

правило, формулируются афористически кратко, в виде законов современного бытия (VII, 7; X, 63; XI, 47). Афористичность нередко усиливается метрическими средствами, падая на заключающее октаву двустопное (III, 66; X, 79; XIII, 111, XV, 13).

Приведем несколько примеров.

(The rhyme obliges me to this; sometimes
Monarchs are less imperative than rhymes).
(V, 77)

Gaunt Famine never shall approach the throne.
Though Ireland starve, great George weighs twenty stone.
(VIII, 126)

For one especial person out of many
Makes us believe ourselves as good as any.
(IX, 68)

Now hatred is by far the longest pleasure;
Men love in haste, but they detest at leisure.
(XIII, 6)

And persecuted sages teach the schools
Their folly in forgetting they are fools.
(XV, 17)

Часть комментариев высказывается прямо от имени автора (IV, 24; VI, 56, 58, 59), часть носит, по видимости, внеличный характер, но все они останавливают действие ради непосредственного общения с предполагаемым читателем, ради расстановки нравственных акцентов.

7. Наиболее распространенным видом отступления является далеко отходящая от истории «Дон-Жуана» *авторская оценка окружающей действительности*. Примером может быть вызывающее описание современной прессы, выражающее отвращение Байрона к продажным журналистам (I, 209—211; IX, 35); характер их деятельности иллюстрируется объективным по форме, но субъективно ироническим, отключающимся от истории героя рассказом об одном из враждебных автору изданий.

Такого рода вставки, как и комментарии, высказываются либо в форме субъективного мнения, либо в форме отвлеченного рассуждения на философско-религиозные, политические, морально-психологические темы. Последних Байрон касается особенно часто, выражая осуждение господствующих нравов и обычаев [9, р. 187]. Оно особенно явственно в «английских» (X—XVI) песнях, в которых описание и повествование непрерывно переходят в нравственные оценки и их обобщение. Любимая тема Байрона — лицемерие, побуждающее хвалить и порицать безотносительно к объективной ценности явления или личности: «О если б мне сто тысяч лошадиных сил, чтоб вознести тебе хвалу, о лицемерие!» (X, 34). Аналогичный характер имеют рассуждения о всеобщей продажности (V, 26—27), о мнимой набожности светских женщин (XIX, 80—81), о возведенном в принцип ничтожестве высшего общества с его сложнейшим формальным уставом (XII, 56; XIII, 89; XIV, 16—19), о порочности высокопоставленных лиц (XIII, 94—95), о пагубной власти денег (XII, 100; XIII, 3—6, 12, 14); о нестойкости чувств (VI, 19; IX, 64, 73—76), о странностях любви (III, 2—11).

Значительно меньше в поэме Байрона отступлений на философские темы. Упорно повторяется в сущности одна мысль о бренности, суетности земного бытия, о непостижимости для простого смертного его смысла, о капризах и превратностях судьбы, о нелепости современных идей и исканий (I, 128—133;